

Галина Врублевская

**ЖЕНЩИНА
С ЧУЖИМ ПАСПОРТОМ**

Роман

Москва
RUGRAM
2022

УДК 82-311.2(02.055.2)
ББК 84.4(2Рос-Рус)
В83

Врублевская Г.

В83 Женщина с чужим паспортом / Г. Врублевская — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 300 с. — (Романы о времени и любви).

ISBN 978-5-521-90450-1

Галина Врублевская — известная российская писательница, лауреат международной Берлинской премии «Лучшая книга года» (2014, 2015, 2016 г.г.), финалист ряда литературных конкурсов.

Авторская серия «Романы о времени и любви» наиболее полно представляет ее творчество. Написанные с тонким психологизмом романы отличаются увлекательным сюжетом и неожиданными коллизиями.

Истории трогают читателя силой духа героинь, их борьбой с личными демонами и глубиной чувств к избраннику, посланному небесами.

BIC FR
BISAC FIC027000

© Галина Врублевская, текст, 2021
© Виктория Врублевская, обложка, 2021
© RUGRAM, оформление, 2022
ISBN 978-5-521-90450-1 © Т8 Издательские технологии, 2022

ЧАСТЬ 1.

Жизнь с чистого листа

1.

Какая женщина не сошла бы с ума от радости, выпади ей шанс вернуть молодость, прожить заново лучшую часть жизни, — но это случается лишь во снах да в сказках. А в жизни... Хорошо, если выглядим помоложе. Ещё бы и паспорта отменили, будь они неладны — предатели, выдающие возраст!

Я не подсчитывала годы, пока на горизонте не замаячил роковой сороковник. Но едва я начала задумываться над ускользающей молодостью, как судьба подкинула мне невероятный шанс, обративший ход моих часов вспять. Нет-нет, я не делала пластическую операцию — в то время в нашей стране это было не принято. Всё произошло в моей жизни естественным образом, благодаря тому, что я всегда выглядела моложе своих сверстниц. Это и сыграло решающую роль в драме, участницей которой я стала. Сейчас передо мной уже маячит пенсионный рубеж, но из моей жизни, из моего календаря выпало полтора десятилетия. Жалею ли я о том или всё же безмерно рада шансу войти второй раз в ту же реку — в реку молодости? Пока я не могу объективно оценить всё случившееся, поэтому решила записать эту историю, как она мне помнится. Может, в какой-то момент я обнародую её, выложив в интернет, а может, единственным читателем её станет только мой муж.

Точка отсчёта моей эпопеи определена с арифметической точностью — в тот день мы познакомились с Тоней! На миг я задумалась, и картинки судьбоносной встречи, опережая скачущие по клавиатуре пальцы, замелькали перед глазами.

Лето вырулило на финишную прямую, перемахнув верхушку. Наступили благословенные августовские деньки, и все, кто мог, устремились на отдых, в отпуска. Мой же отпуск оказался особенно длительным: ещё весной я попала в своём НИИ под сокра-

шение штатов. Мне назначили на бирже труда небольшое пособие по безработице и принудительно послали на курсы секретарей-референтов. Их я посещала дважды в неделю: делопроизводство осваивала легко, но с компьютером возникали сложности. Мне, человеку гуманитарного склада, трудно было разобраться в хитросплетениях клавиш, файлов и функций. Ведь в моё время ни в школе, ни в институте информатику не изучали. И на прежней работе был всего один компьютер на весь отдел из двадцати человек! Одновременно я подыскивала новое место, но все работодатели желали исключительно молодых девушек. И мне трудно было тогда осознать, что мой возраст — тридцать восемь — стал помехой в моём трудоустройстве, ведь у меня высшее филологическое образование и опыт работы в патентоведении! Но такое было странное время — начало девяностых, перестройка: закрывались предприятия, сокращались рабочие места. И если иные женщины находили поддержку в семье, то мне рассчитывать было не на кого — я жила одна.

Погожее лето смягчало мои тревоги, и я активно пользовалась вынужденным отпуском: то ездила в ближний пригород на озёра купаться, то в лес за дарами природы. И в тот день выехала из Петербурга ранней электричкой на Выборг, доехала до знакомой мне промежуточной станции, окружённой хвойным лесом, — среди горожан эти места славилось обилием ягод и грибов. А я знала все дорожки и тропинки в этих краях — ведь много лет отдыхала здесь в летние каникулы с бабушкой и родителями. Хозяйка того дома, где мы снимали дачу, давно умерла, а сам дом снесли. Так что теперь и в гости зайти было не к кому, но лес по-прежнему оставался для меня близким и родным.

Я ступала по седому мягкому мху среди постанывавших в голубом небе сосен, изредка склоняясь над красной головкой подосиновика, бурой шляпой боровика, а то и обманываясь упавшим листком. Спускалась заросшими тропками в овраги, попутно отправляя в рот с кустов черники горсти ягод. Пролезала под колючими лапами елей и вновь выбиралась на пригорок.

К полудню корзина наполнилась до краёв грибами, а небольшое ведёрко — черникой. Солнце припекало всё заметнее, а над головой, среди ветвей деревьев весело пересвистывали птицы. Наконец я вышла из лесу и теперь плелась по пыльной дороге, едва передвигая ноги, хотя следовало поторопиться, ведь скоро должна была появиться электричка на Санкт-Петербург — последняя перед техническим перерывом. Попыталась прибавить шаг, но это было выше моих сил: руки оттягивала тяжёлая корзина, а в плечи врезались верёвки от самодельного рюкзака, куда я вложила ведро с ягодами. Хотя все знакомые хором говорили, что я в свои почти сорок выгляжу тридцатилетней, выносливость была уже не та. Вздохнула с грустью: сейчас не смогла бы лазить с рюкзаком по горам, как в студенческие годы, — даже от пятиминутной прогулки по кочкам и оврагам устала донельзя.

Но уже были видны станция и виадук, воздвигнутый над множеством сходящихся и расходящихся путей, — станция была узловая. Чтобы успеть на поезд, попасть на нужную платформу, придётся бегом по ступенькам вверх, с моим ощутимым грузом. Издали видела, что на платформе толпились люди — такие же грибники и ягодники, как я. Послышался пронзительный свист приближающейся электрички. Я посмотрела на свои часы: вот незадача — они отставали. А мне теперь и быстрым форсажем лестницы уже не успеть к электричке! Пройти под мостом, перешагивая через рельсы, тоже невозможно: путь перекрывали несколько стоящих товарняков. И я знала, что по главной магистрали в любой момент мог промчаться скорый поезд. Рисковать не решилась.

Смирившись с опозданием, присела на шпалы, сложенные неподалёку от виадука ровными штабелями. Сняла рюкзак, стянула с головы косынку и вытерла ею с лица пот. Посмотрела, как электричка притормозила на минуту у дальней платформы, забрала пассажиров и снова быстро набирала ход. Следующий поезд на Питер только через три часа. Торопиться было уже некуда, а следовало придумать, как убить время ожидания. Все магазины

и ларьки находились по другую сторону железнодорожных путей, и, чтобы попасть в торговую зону станции, так или иначе придётся взбираться на виадук.

Чуть посидела, отдыхая, съела несколько горстей черники из своего ведёрка. Вновь закинув рюкзак на одно плечо и держа в руке корзину с грибами, начала восхождение по лестнице.

Опустив голову, методично переставляя ноги по ступеням, сгибала и распрямляла колени, преодолевала пролёты лестницы виадука, поглядывая боковым зрением вниз через решётку ограждения. Вот уже пути с товарняками оказались позади, внизу серой асфальтовой лентой распласталась под виадуком первая платформа, снова железнодорожная колея, и снова платформа. Ура, подъём преодолён — я на верхней площадке!

Я опустила оттягивающую руку корзину на плоскую часть моста — от резкого толчка несколько подосиновиков выпали на бетонное покрытие виадука. Подалась вперёд, чтобы собрать их, но рука повисла в воздухе. Я увидела чуть поодаль пугающую картину. На пустынном виадуке, с другой стороны ограждения, на узком карнизе стояла сухощавая женщина в джинсах и расстёгнутой ветровке. Стояла спиной к решётке ограждения, устремив взгляд на рельсы, в бездну под виадуком. Широко раскинутыми руками она вцепилась за перила, а ногой шарила по осыпающемуся бетонному карнизу, чтобы сделать приставной шаг и продвинуться в сторону середины виадука, — будто циркачка над ареной, идущая боком по тросу. Ветер нещадно трепал куцый хвостик её блёклых волос. Сделав несколько шагов, женщина остановилась. Там, куда она нацеливалась пристроить ступню, ограждение моста было усилено высоким щитом из металлической сетки — аккуратно под этим местом проходила скоростная магистраль. Акробатка, одной рукой держась за перила, другой стала нащупывать возможность просунуть пальцы в ячейку сетки дополнительного щита.

В этот момент из репродуктора прозвучал голос вокзального диктора: «Граждане пассажиры, отойдите от края платформы,

приближается скорый поезд “Санкт-Петербург — Хельсинки”. Состав пройдёт по первому пути без остановки».

«Анна Каренина! Самоубийца!» — ужаснулась я. Вывернув плечи, скинула рюкзак с ведерком и в два прыжка оказалась рядом с несчастной. Я обхватила женщину руками, сцепив их вокруг её сухощавой фигуры. Теперь циркачка не смогла бы передвинуться к роковому месту над рельсами, но если она начнёт вырываться из моих непрошенных объятий, то полетит вниз — мне её не удержать! Однако упадёт хотя бы в стороне от колеи, на песчаный гравий. Сломает ноги, но не погибнет! Спустя минуту с рёвом и грохотом под нами промчался скорый поезд — округлые поверхности крыш вагонов промелькнули под виадуком и скрылись. Снова внизу поблескивали сталью на рельсы главного пути.

— Вы кто? — Циркачка пришла в себя и вполоборота повернула шею, пытаясь посмотреть на меня.

Её лицо оказалось рядом с моими глазами: набрякшие веки под лысоватыми бровями, отёки под глазами, курносый нос и глубокая носогубная складка. Женщине на вид было лет сорок пять.

Я улыбнулась ей и, чуть ослабив нервную хватку своих рук, ослабила объятия. Заботливо спросила:

— Вы можете перелезть обратно на мост? Так нам не слишком удобно разговаривать.

— Уберите руки — перелезу! — Голос её был звонким и каким-то задиристым, как у подростка, и ни малейшей благодарности за спасение в нём не звучало.

Я опасливо отпустила женщину, отойдя на шаг назад.

Женщина довольно ловко повернулась вокруг своей оси к ограждению, перекинула ногу, опираясь животом на перила, затем другую — будто и впрямь была циркачкой или спортсменкой — и оказалась рядом со мной на бетонном основании виадука. Потом присела на корточки, спиной к ограждению, и, обхватив голову руками, заплакала. Я в нерешительности постояла

рядом, потом отошла к своей поклаже: надела рюкзак, взяла корзину с грибами, подобрала и рассыпанные подосиновики, и вернулась к спасённой мною женщине. Мягко коснулась её плеча:

— Пойдёмте в кафе на станции, посидим, поговорим. Вы мне всё расскажете, если захотите.

Женщина приподняла голову, посмотрела на меня и резко вскочила на ноги, снова удивив меня крепкой физической формой.

В кафе было малоллюдно, лишь троица местных пьянчужек за центральным столиком, громко споря, создавала нездоровый гвалт. Мы с женщиной расположились у окна. Новая знакомая сразу призналась, что денег у неё нет совсем: она, купив билет до этой станции в Санкт-Петербурге, выбросила кошелёк, уверенная, что он ей никогда не пригодится. Я спросила у неё, не хочет ли она выпить: в меню были и пиво, и дешёвое вино, и водка. Но она резко замотала головой, сказав, что не пьёт совсем. Трудно было поверить её словам, глядя на её лицо: кожа была сухая, с землистым оттенком. Я заказала для несчастной женщины чай с коржиком, а себе взяла баночку пива. Баночное пиво появилось в стране совсем недавно, вслед за горбачёвской перестройкой, и ещё было в диковинку. Я даже ещё не научилась выбрасывать пустые баночки: приспособливала их то как стаканчик для ручек-карандашей, то как вазочку для мелких цветов.

— Как вас зовут? — спросила я, когда вернулась с заказом от буфетной стойки к столику.

— Тоня. — Она представилась без отчества, хотя уже и пора бы по возрасту.

— Тоня?! А полностью — Антонина?

Я не смогла сдержать удивление. Это малоупотребительное сейчас имя было и у меня. Папа настоял, чтобы так назвать дочь, отдав дань памяти нашей бабушке. Мама не посмела перечить, но называла меня по-современному — Анютой, что меня вполне устраивало. А то, что мы с этой опустившейся женщиной, потенциальной самоубийцей, оказались тёзками, мне было почему-то